

ОБЪЕКТ 15 КОШКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА: ВЕРСИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В 2006 году при исследовании комплекса археологических памятников эпохи неолита «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение» (Верхнесалдинский р-н Свердловской обл.) выявлен объект 15, отличный по конструкции от всех остальных объектов холма. Он располагался не на территории святилища, сооруженного жителями поселка на мысовидном выступе коренного берега озера путем периодических подсыпок, как зафиксированные ранее объекты, а рядом с его северной оконечностью в пойменной части поселения. Верхнее заполнение этого объекта частично перерезано двумя последовательно выкопанными рвами, которые являлись маркерами, отделяющими сакральное пространство святилища от территории Юрьинского поселения (рис. 1). Эта стратиграфическая ситуация позволяет надежно считать объект 15 более ранним по отношению ко времени начала сооружения насыпного святилища — Кокшаровского холма.

Объект 15 представлял собой яму, по форме близкую прямоугольной (рис. 2 – А). Размеры ее в верхней части составляли $3,5 \times 2,5$ м, в нижней — $3,0\text{--}3,2 \times 1,6\text{--}1,9$ м. Глубина ямы достигала 1,35–1,45 м. Профиль ямы (рис. 2 – Б) показывает лишь фиксируемые по темному заполнению размеры придонной части объекта 15, а не его реальную ширину. Так как яма была выкопана в пойменной части поселения и подвергалась сезонным подтоплениям в результате колебаний уровня воды в озере, то стенки ее, особенно в придонной части, активно заплывали чистым материковым песком, «сокращая» тем самым фиксируемые по темному заполнению размеры объекта. Реальная же ширина ямы — в пределах $1,6\text{--}1,9\text{--}3,0\text{--}3,2$ м — реконструируется по находкам артефактов, которые в придонной части ямы зафиксированы и вне пределов ее темного заполнения — в заплывшем в яму желтом материковом песке (рис. 2 – А). Объект ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Скорее всего, яма была перекрыта деревянной конструкцией из жердей диаметром 3–5 см и древесной коры, остатки которых в результате естественного разрушения объекта зафиксированы в придонной части (рис. 2 – А). В заполнении ямы обнаружены фрагменты керамики, в основном кошкинской культуры, и кремневый инвентарь.

Керамический комплекс представлен единичными фрагментами не менее чем от десяти сосудов (рис. 3), случайно попавшими в объект из культурного слоя Юрьинского поселения, и развалами двух сосудов (рис. 4), найденными на уровне верхних очертаний ямы (рис. 2 – А). Данное наблюдение крайне важно для понимания хронологической связи Юрьинского поселения и Кокшаровского холма. В целом поселение и святилище одновременны. Но, видимо, жители Юрьинского поселения стали сооружать святилище не сразу после того, как основали поселок, а по прошествии определенного отрезка времени, скорее всего, непродолжительного — в пределах эпохи раннего неолита. И, безусловно, среди групп населения, сооружавших насыпное святилище, были, прежде всего, кошкинские и, возможно, басьяновские и кокшаровско-юрьинские (козловские). Это наблюдение подкрепляет уже опубликованную информацию об относительной хронологии неолитических комплексов Кокшаровского холма¹. Кроме того, носители кошкинской культуры были одной из тех первых групп населения (возможно, род-первопоселенец), что стояли у истоков основания Юрьинского поселения.

Основное количество фрагментов первого сосуда залегало на глубине –483–486 см от условного «0», то есть на уровне деревянного перекрытия объекта. Причем сосуд, преднамеренно или случайно, лежал на боку, обращенный горловиной вниз. Но часть фрагментов этого сосуда зафиксированы ниже, на глубине до –517 см, то есть в верхней части заполнения этой ямы. Сосуд 1 восстановлен практически полностью и поддается четкой графической реконструкции (рис. 4 – 1). Это миниатюрный сосудик высотой 8,5 см, диаметром горловины 11,0 см и максимальным диаметром тулова 11,7 см. Он изготовлен из глины с примесью мелкодробленого шамота. Тальк отсутствует. Обжиг костровой. Цвет светло-коричневый. Внешняя и внутренняя поверхности хорошо заглажены, видимо, каким-то мягким материалом. Сосуд полуяйцевидной формы с круглым дном. Тулово раздуто слабо. Форма горловины

Рис. 1. Кокшаровский холм и Юринское поселение. План расположения культовых объектов и рвов.
1 – участки, на которых сняты только верхние горизонты; 2 – углистые прослойки; 3 – прокалы

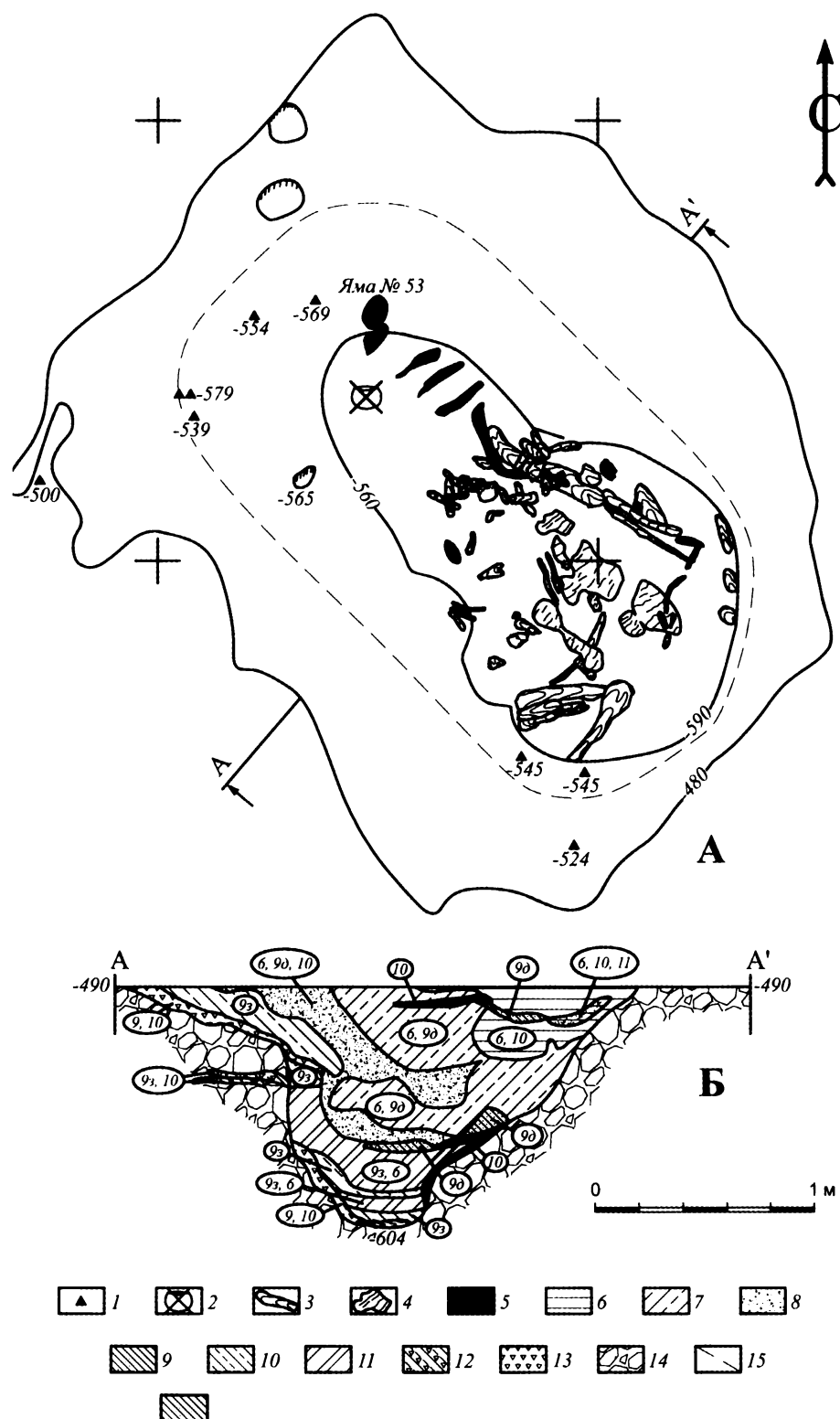

Рис. 2. Кокшаровский холм. Объект 15. А – план объекта; Б – разрез объекта с глубины –480 см от условного «0».

1 – находки, обнаруженные за пределами очертаний объекта; 2 – развал сосуда; 3 – деревянные плахи; 4 – кора; 5 – уголь; 6 – темно-серый суглинок с интенсивным включением угля; 7 – темно-серый суглинок с включением серо-коричневой материковой глины; 8 – темно-серый суглинок с включением серо-коричневой материковой глины и угля; 9 – серо-коричневая материковая глина; 10 – зеленый материковый суглинок; 11 – серый суглинок с включением зеленого материкового суглинка; 12 – зеленый материковый суглинок с включением угля; 13 – светло-серая материковая глина с включением угля; 14 – светло-серая материковая глина; 15 – примерные очертания придонной части ямы

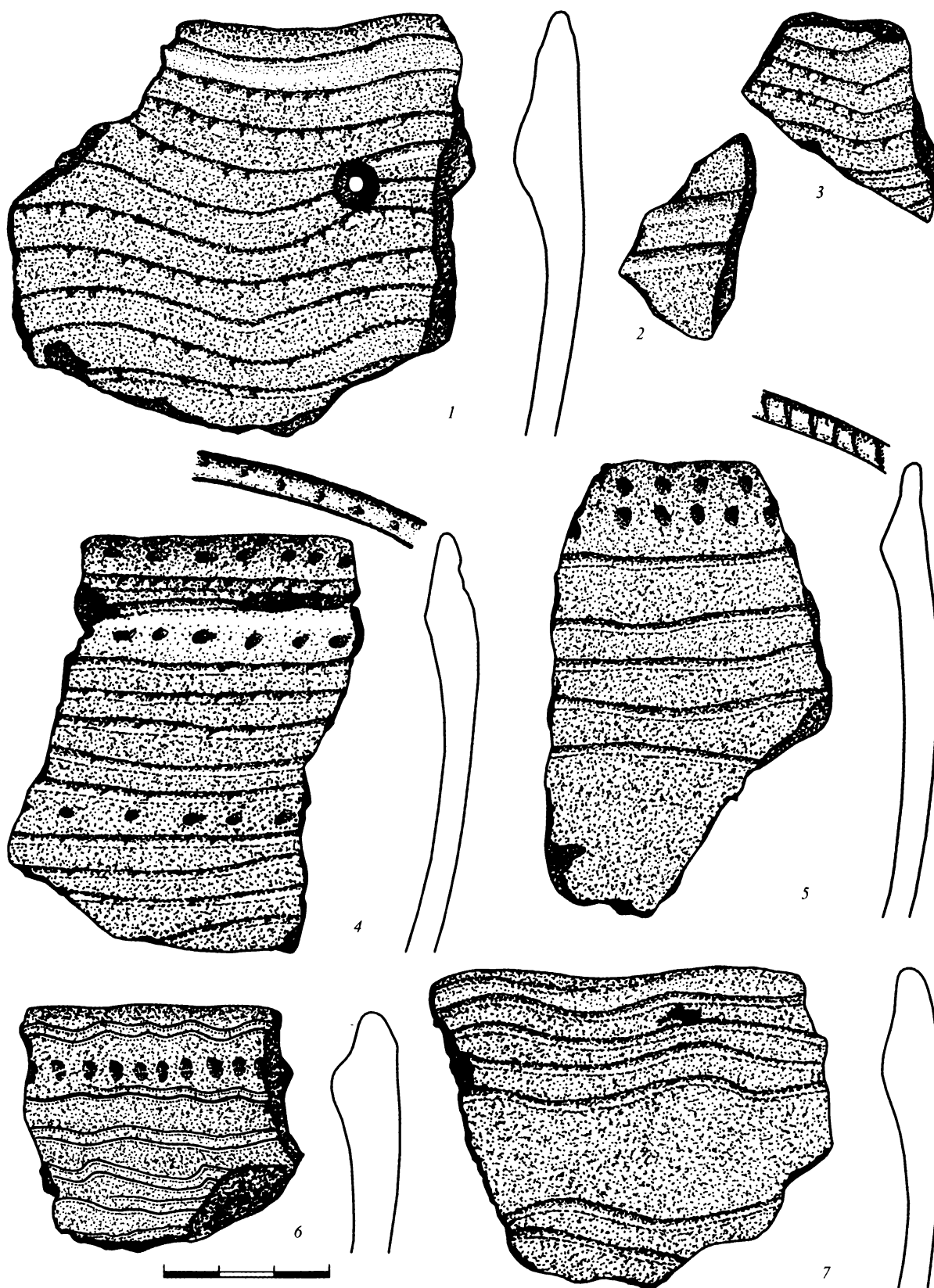

Рис. 3. Кокшаровский холм. Керамика из заполнения объекта 15.
1, 4-7 – кошкинский тип; 2, 3 – неолитические фрагменты без четкой культурной верификации

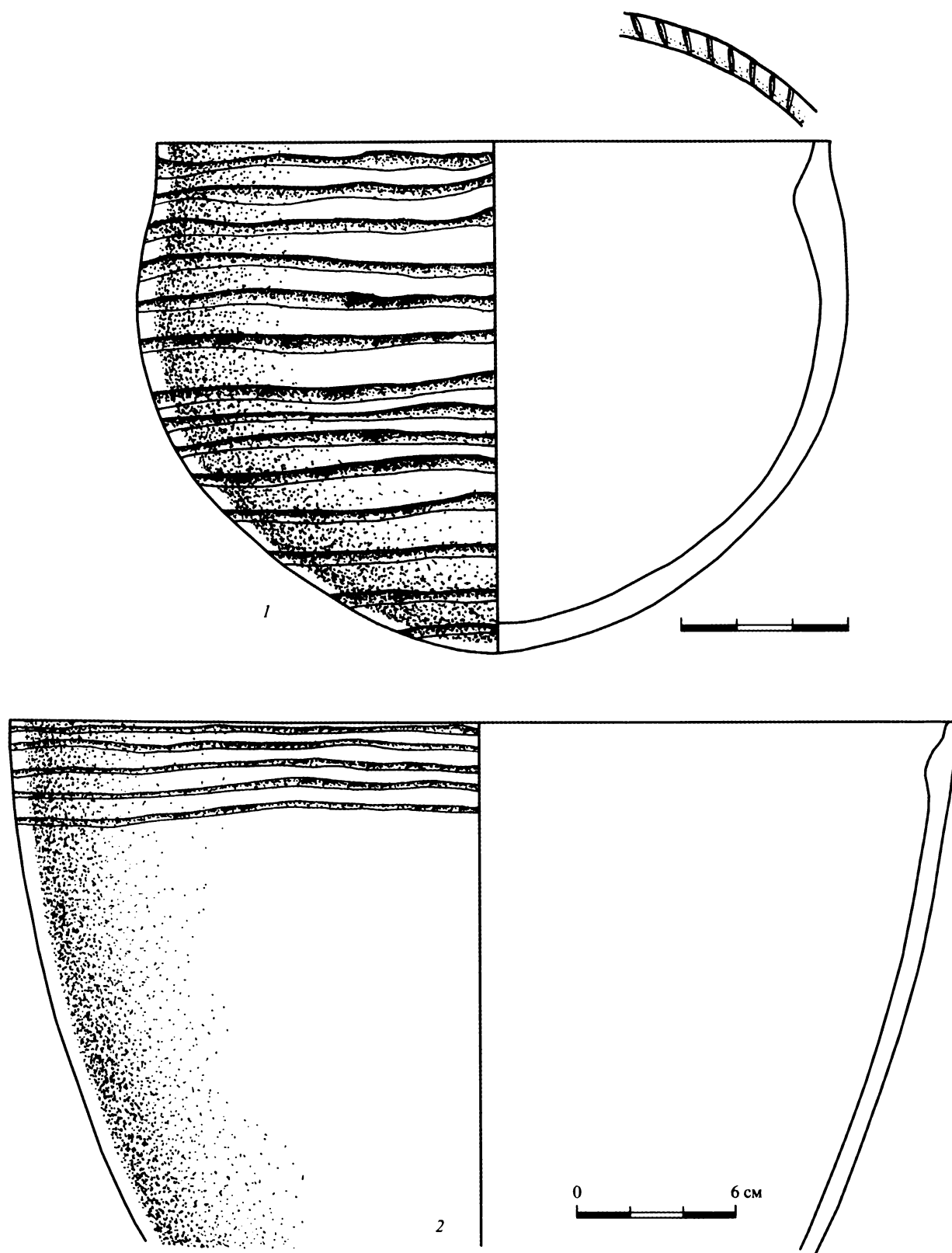

Рис. 4. Кокшаровский холм. Находки на перекрытии объекта 15. Сосуды кошкинской культуры

прямая, срез ее уплощенный. С внутренней стороны по верху горловины фиксируется слабовыраженный наплыв скругленной формы толщиной 5–7 мм (при толщине стенок 4–5 мм).

По внешней поверхности, включая срез горловины и дно, сосуд сплошь покрыт орнаментом. На срезе горловины это наклонные влево отрезки (насечки), нанесенные тонкой палочкой. На тулове и круглом дне — горизонтальные ряды прямых линий, опоясывающих сосуд, которые нанесены тем же инструментом в виде тонкой палочки (диаметром около 2 мм) методом прочерчивания, нередко с периодическим легким нажимом без отрыва от поверхности (так называемая линейно-накольная техника орнаментации). За счет относительно плотно поставленного узора (расстояние между горизонтальными линиями — 3–6 мм) сосуд, несмотря на простоту и монотонность декора, выглядит нарядным.

Основное количество фрагментов второго сосуда также залегало на уровне древнего перекрытия объекта на глубине –485–489 см от условного «0». Но часть его фрагментов отмечена и в заполнении ямы на глубине до –570 см. В отличие от первого миниатюрного сосуда, сохранившиеся фрагменты второго — крупного по размерам — сосуда не позволяют произвести полную его склейку. Графическим же методом достоверно можно реконструировать приблизительно лишь две трети высоты сосуда, исключая придонную часть и дно (рис. 4 – 2). Высота сосуда, скорее всего, приблизительно соответствовала диаметру горловины — в пределах 37 см. Диаметр стенок сосуда меньше диаметра горловины и плавно уменьшается ко дну. То есть сосуд имел открытую форму и, скорее всего, круглое дно. Срез горловины уплощенный. С внутренней стороны верха горловины сформован слабовыраженный наплыв скругленной формы. Толщина наплыва 8–9 мм при толщине стенок 6–7 мм. Сосуд изготовлен из глины с примесью мелко толченой тальковой породы. В тесте сосуда отмечены и незначительные мелкие вкрапления охры. Но являются ли эти охристые вкрапления искусственной или естественной примесью в глине, визуально определить трудно. Внешняя и внутренняя поверхность сосуда заглажена каким-то мягким материалом. Цвет сосуда серо-коричневый, его внутренняя поверхность покрыта пригаром. То есть сосуд явно использовался для приготовления пищи. Орнамент на этом сосуде нанесен только по верху внешнего края горловины. Он представлен пятью прямыми горизонтальными линиями с интервалом 4–7 мм. Орнаментом служила, видимо, тонкая (1 мм) палочка; узор нанесен в линейно-накольной технике.

В целом оба сосуда, как и подавляющее большинство фрагментов из заполнения ямы (рис. 3 – 1, 4–7), по всем морфологическим показателям типично кошкинские и практически ничем не отличаются от кошкинской керамики тех регионов Курганского Приобья, где эта археологическая культура была выделена.

Лишь два фрагмента с трудом поддаются культурной атрибуции. Это очень мелкие фрагменты стенок сосудов. Один из них орнаментирован горизонтальными зигзагами, нанесенными в отступающе-накольной технике (рис. 3 – 3), другой украшен двумя рядами желобчатых линий (рис. 3 – 2). В принципе подобные декоративно-морфологические признаки присущи всем трем раннеэнеолитическим комплексам Кокшаровского холма с прочерченно-накольной традицией орнаментации: кошкинской, басыановской, кокшаровско-юрьинской. Поэтому мы воздержимся от однозначной верификации культурной принадлежности этих столь мелких фрагментов.

Каменный инвентарь представлен 225 каменными изделиями, большая часть которых (213 экз.) происходит от достаточно крупной (судя по сколам) конкреции глинистого кремня серо-зеленого цвета. Типологическая характеристика изделий из этого вида сырья довольно нестандартна для памятника. В первую очередь обращает на себя внимание наличие большого количества отщепов — 196 экз. Часть из них имеет размеры до 4,5 × 9,0 × 12,0 см. Настолько крупные отщепы достаточно редко встречаются в археологических коллекциях, в том числе и на Кокшаровском холме. На четырех из этих отщепов присутствует нерегулярная частичная краевая ретушь, которая могла быть нанесена случайно при контакте с каким-либо твердым предметом. Помимо отщепов в заполнении объекта находились изготовленные из аналогичного сырья четыре ребристых пластины, скол с нуклеуса, 11 пластин и одна пластина с ретушью.

Диагональный скол с нуклеуса (рис. 5 – 1) имеет размеры 41 × 56 × 60 мм. На нем сохранилась часть площадки и негативы от пластинчатых снятий, расположенных на двух смежных сторонах нуклеуса. Судя по морфологии негативов, с нуклеуса ударной техникой скалывались регулярные пластины шириной 11–32 мм.

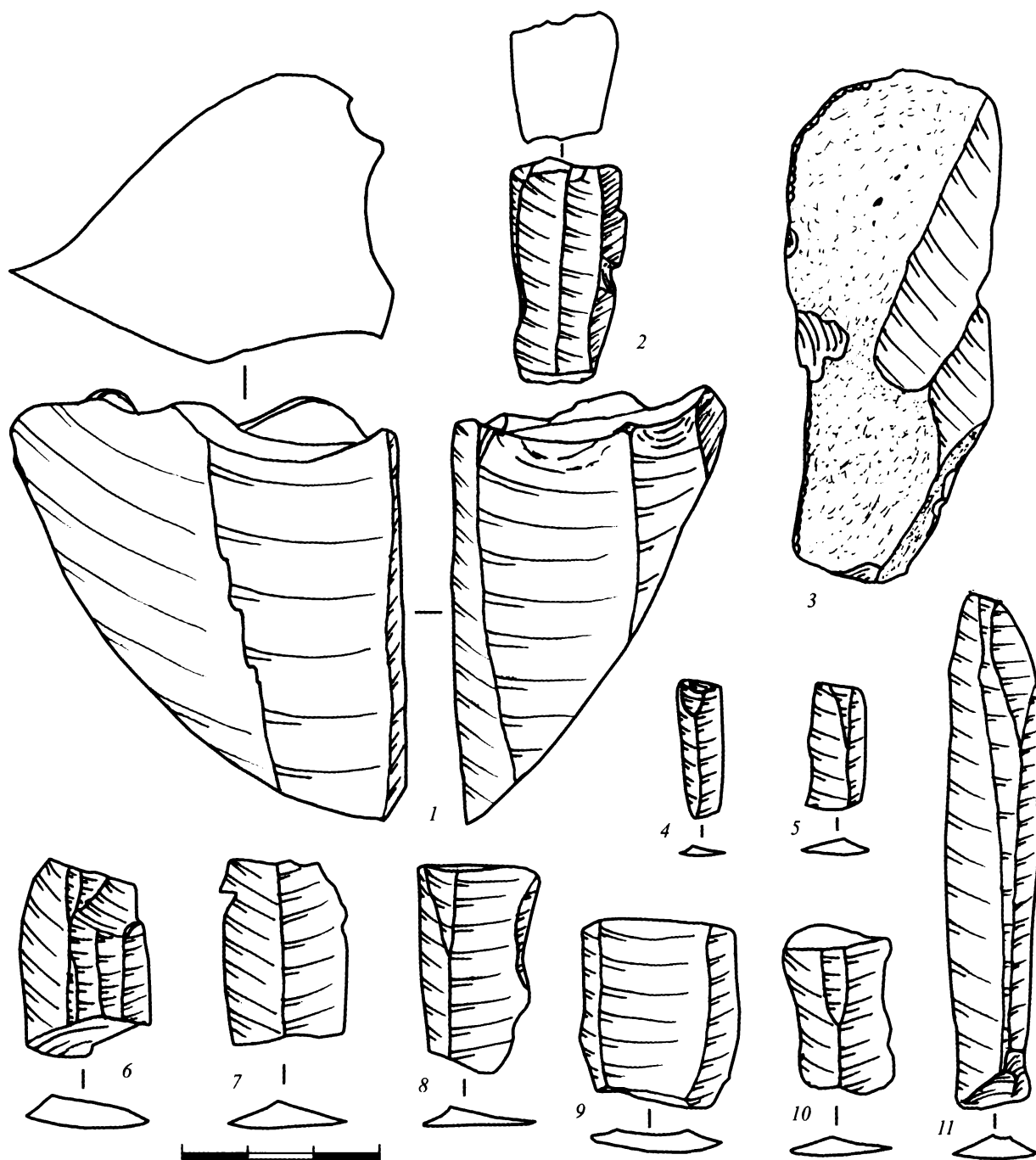

Рис. 5. Кокшаровский холм. Каменный инвентарь из заполнения объекта 15.
1 – скол с нуклеуса; 2 – нуклеус; 3 – пластина с ретушью; 4–11 – пластины

Ребристые пластины тоже достаточно массивны — от $7 \times 21 \times 70$ до $23 \times 36 \times 93$ мм. Исходя из этого, высота нуклеуса должна была составлять не менее 7–8 см.

Пластины (рис. 5 – 4–11) представлены в основном медиальными (6) и проксимальными (4) частями. Одну фрагментированную — удалось склеить в целый экземпляр размерами $5 \times 15 \times 79$ мм. Ширина остальных пластин составляет 7–26 мм, в среднем — 16–19 мм.

Единственное изделие, которое возможно отнести к орудиям, — полупервичная пластина (рис. 5 – 3) размерами $6 \times 34 \times 79$ мм, одна из латералей которой покрыта нерегулярной дорсальной ретушью.

Помимо перечисленных выше изделий, выполненных из глинистого кремня, в объекте 15 найдены расколотая кварцитовая галька, четыре небольших обломка черного и серого кремня, шесть отщепов из того же сырья и торцовый двухфронтальный нуклеус ($18 \times 20 \times 34$ мм), выполненный на гальке халцедоновидной породы (рис. 5 – 2).

Реконструировать функциональное использование объекта 15 сложно. В принципе, он мог быть каким-то хозяйственным сооружением, например, ямой-погребом для хранения скоропортящихся пищевых запасов в теплое время года. Возможна, и авторы это допускают, формулировка еще каких-то версий хозяйственного назначения ямы. Если они в дальнейшем будут высказаны, авторы с огромным вниманием рассмотрят их аргументацию. Но эта или иные версии хозяйственного назначения объекта не очевидны.

Анализ залегания материала позволяет предполагать, что на деревянное перекрытие объекта были преднамеренно положены и находились там продолжительное время два сосуда кошкинской культуры и скопление более чем 200 каменных артефактов, сколотых в основном с одного желвака. Кроме того, объект расположен в пойменной части берега, где уровень грунтовых вод достаточно высок, и яма неизбежно, по крайней мере, в определенные сезоны года, заполнялась водой. Однако возможно, что в этот отрезок времени, соответствующий ранней стадии уральского неолита, уровень стояния вод в еще не заторфованном Юрьинском озере был настолько низок, что пойменная часть берега не затоплялась водой даже в весеннее и осеннее половодье. Это затрудняло хранение пищевых запасов. Данные факты не позволяют однозначно трактовать объект как хозяйственный.

Возможно, сооружение носило культовый характер. Во-первых, рядом со многими культовыми объектами холма (либо внутри них) отмечено наличие одного-двух перевернутых вверх дном сосудов². Правда, конструктивно эти объекты холма выглядят иначе (рис. 1). Они наземные, размерами обычно 2×2 м, редко больше (около 5×5 м), и реконструируются автором раскопок холма как культовые амбарчики, аналогичные тем, что до сих пор известны по этнографии коренных народов Урала: манси, ханты, удмуртов³. Во-вторых, сосуды, поставленные на перекрытие ямы, хотя и относятся к одной кошкинской культуре, но составляют комплекс, в основе которого заложен принцип противопоставления, причем по всем морфологическим показателям сосудов: крупный – маленький, орнаментированный сплошь – слабоорнаментированный, с примесью охры и талька в тесте – и без них, со следами пригара (производственного использования) на внутренней стороне – и без них (рис. 4). Принцип таких противопоставлений, а если шире, то единства противоположностей, дуализма, являлся одним из базовых в первобытности и был широко распространен в культовой практике народов мира. В-третьих, скопление на перекрытии объекта большого количества каменных изделий (в основном отщепов), сколотых с одной конкреции кремня, также могло быть связано с обрядовой деятельностью. Подобные скопления отщепов и обломков каменных пород, по всей видимости, не связанных с производственным процессом, известны на памятниках культового характера (святилищах, писаницах) Урала и Западной Сибири с верхнего палеолита и в более поздние эпохи⁴. В. Т. Петрин, обобщая подобные факты, предполагал наличие в древности неких обрядов, в которых был «важен сам факт расщепления кремнистого сырья»⁵.

Если принять за основу культовую версию функционального назначения этого объекта (что также не очевидно), то можно предполагать, что традиция сооружения объектов разного типа, но имеющих культовое назначение, у населения, оставившего данный археологический комплекс, возникла до начала функционирования холма. В принципе, объект мог одновременно быть и хозяйственным, и культовым. Для древних эпох такая ситуация ординарна. И носители кошкинской культуры определенно были одной из тех групп населения, что стояли у истоков тех культовых традиций, которые породили такой уникальный комплекс, как Кокшаровский холм.

¹ Шорин А. Ф. О «чудских буграх» Среднего Зауралья: стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма // Урал в прошлом и настоящем. – Екатеринбург, 1998. – С. 136–137; Он же. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма // РА. – 2000. – № 3. – С. 100; Он же. Кокшаровский холм — новый тип культовых комплексов Северной Евразии // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург, 2003. – С. 89; табл. 1, 2.

² Шорин А. Ф. Святилище на холме // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург, 2004. – С. 90.

³ Шорин А. Ф. Кокшаровский холм — новый тип культовых комплексов... – С. 89–90; рис. 8.

⁴ Жилина И. В., Петрин В. Т. Оригинальная индустрия из Кыштымского озерного края (к проблеме появления культовых мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя. – Свердловск, 1989. – С. 46–48; Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. – Новосибирск, 1992. – С. 82–83; Бадер О. Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 256; Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Писаница Старичная (река Нейва, Средний Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург, 1997. – Вып. 1. – С. 44–46.

⁵ Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере... – С. 82.